

ДВА БАЛЕТА В ОДИН ВЕЧЕР

НА СЦЕНЕ БОЛЬШОГО ТЕАТРА СОЮЗА ССР

Еще некоторое время назад их работа называлась внеплановой. Они отдавали ей все свободное, внеурочное время без всяких гарантий на успех — что называется, занимались самодеятельностью. Точнее, художественной самодеятельностью под крышей Большого театра.

Вчера, 18 января, эта работа воплотилась в конкретный результат — публике были представлены два новых одноактных балета — «Рыцарь печального образа» и «Эскизы». Представлены без всяких скидок на внеплановость или экспериментальность — как первые премьеры прославленного коллектива в наступившем году. Так были вознаграждены энтузиазм и творческий поиск молодежи балета. Ясно, премьера — дело не одного дня, и она состоялась благодаря поддержке всего театра, поверившего в замысел молодых артистов, предоставившего им возможности для работы.

А замысел этот, прямо скажем, мог восприниматься по-разному. Действительно, зачем на сцене еще один Дон Кихот, когда несколько десятилетий в Большом и с большим успехом идет четырехактный балет Минкуса? И как в пространство еще одного одноактного балета «Эскизы» вместить «всего Гоголя» — «Ревизор», «Мертвые души», «Невский проспект», «Нос» и т. д.?

На эти «зачем» и «как» с убедительностью ответили сами балетные спектакли, поставленные молодым хореографом, заслуженным артистом РСФСР Андреем Петровым. Не литературная и сюжетная узнаваемость персонажей и коллизий знаменитых произведений волновала постановщика, не фабульная верность первоисточникам. Как раз в преодолении «литературности» и иллюстративности видится успех замысла. Доверившись зрителю в том, что он и так знает суть происходящего, А. Петров всю свою фантазию обратил на создание хореографических портретов персонажей. К примеру, в «Рыцаре печального образа» есть и ветряные мельницы, и бой со стадом баранов, и другие эпизоды романа Сервантеса, но именно в монологах и дуэтах героя раскрывается вся многозначность и щемящая притягательность образа Дон Кихота — его детская доверчивость и вера в добро, его бескорыстное и высокое служение идеалу, которое не может быть оспорено никаким здравым смыслом.

Партия Дон Кихота доверена Юрию Владимирову, зрелому мастеру, одному из ведущих танцовщиков театра. Если оглянуться назад, легко вспомнить, сколько раз его приглашали балетмейстеры для работы именно над новыми спектаклями. У Владимирова есть настоящий дар становиться сотворцом роли, редкая пластическая отзывчивость на самый сложный замысел. И в новом балете Дон Кихот — артистическое открытие танцовщика. Не паравра на знакомые темы, а жизнь, прожитая в танце — страстно, трепетно, пронзительно, до душевной боли. Дуэты рыцаря с воображаемой Дульсиной и реальной Альдонсой, в мгновение ока сменяющие один другой, — песнь его сердца и терзания разума, не смиряющегося с пошлой прозой жизни и бездуховности. И здесь настоящей союзницей танцовщика в раскрытии образа стала молодая балерина Нина Семизорова, стремящаяся к контрастности чувств своих героинь: ведь им дано стать зеркалом, отразившим метания героя.

Что за чудо музыка в этом балете — симфонические вариации на рыцарскую тему «Дон Кихот» Рихарда Штрауса! Она будто наделена живописной изобразительностью, воспринимается словно звукопись событий, в ней бие сердце героя, его звучащая кардиограмма.

У пюльта в этот вечер, дирижируя двумя спектаклями, стоял музыкальный руководитель постановки Геннадий Рождественский. Когда его дирижерская палочка повелевает оркестром во время балетного действия, это всегда новое качество спектакля, особая слитность музыки с танцем, яркость и точность контрастов, чистота звучания. Здесь же в один вечер ему пришлось решать контрастные музыкальные задачи двух спектаклей.

Сочинение Р. Штрауса — бесспорная классика, но в симфонизме композитора дирижер и балетмейстер уловили поразительную стихию танцевальных структур и выявили их с предельной ясностью и высоким драматизмом.

Музыка Альфреда Шнитке к балету «Эскизы» — другого характера. Она сатирически заострена и в смене ритмов, и в оркестровке, и в озорных музыкальных реминисценциях. Композитор, дирижер и хореограф вовлекают нас в стремительный карнавальский поток музыки и движения. Это и вправду фантазия, бурлеск,

стремительность переходов, и тем проникновеннее звучит вдруг лирическая нота балета, воплощающая в себе образ самого Автора.

Да, в этом спектакле Николай Васильевич Гоголь — действующее лицо. Слово по мановению его пера появляются на сцене герои, оживает Невский проспект, врывается в гостиную городничего Хлестаков, исчезает нос и превращается в самый натуральный Нос, то есть танцующий персонаж, ведут свое кокетливое трио (представляете, во время балетного спектакля в зале смех!) с Иваном Александровичем Анна Андреевна и Марья Антоновна, а тут откуда ни возьмись Ноздрев с пистолетом в одной руке и шашечной доской в другой, и любезный Павел Иванович Чичиков тут, и Ковалев, и Башмачкин.

«Что за мешанина?» — может воскликнуть зритель, не видевший спектакля. «Что за счастливая идея представить мир гоголевской фантазии в таком калейдоскопе неостанавливающегося действия!» — вправе порадоваться тот, кто принял замысел, увлекся им. Среди таких в первую очередь артисты — от известных уже М. Быловой, А. Кондратова, С. Радченко до каждого участника спектакля, исполняющего пусть даже самую маленькую партию.

Как и в «Дон Кихоте», литературная узнаваемость тут несомненна, но опять же она не столько в привычных нам графических и живописных изображениях, а в пойманных пластикой танца характерных чертах характера персонажей. Ощущая это, емко решает оформление спектаклей художник С. Бенедиктов. «Эскизы» — верное название, однако хотелось бы добавить, что каждый из них наделен такой характерностью, что мог бы быть развернутым в целый образ. А может быть, именно от образа к его эскизу и шел постановщик, сначала определив для себя целое, а потом выпукло отделив часть этого целого, деталь?

Как бы то ни было, балет с жизнелюбивым оптимизмом еще раз утвердил перед зрителем простую мысль — как много ему доступно, в каком союзе он может быть с литературой, с нашими представлениями о ней, оставаясь в то же время самим собой — искусством танца, пластических образов, одному ему присущей выразительности.

«Эскизы» — называется последняя работа балетмейстера Андрея Петрова, кстати, уже четвертая на сцене Большого театра. Дело не в названии — театр представил зрителю настоящее большое хореографическое полотно, утвердил в числе талантливых молодых хореографов имя художника со своим почерком, своим отношением к искусству балетного театра.

Ал. АВДЕЕНКО.

● Сцена из балета «Эскизы». ● «Рыцарь печального образа». Н. Семизорова, Ю. Владимиров, М. Минеев.